

Адмирал Колиньи: жизнь и легенда

Автор: И.Я. Эльфонд

Эльфонд Ирина Яковлевна - доктор исторических наук, зав. кафедрой Саратовского государственного педагогического института.

Судьба Гаспара де Шатийона Колиньи, адмирала Франции, главы гугенотов (с. 1569 г.), убитого в Варфоломеевскую ночь ¹, знакома потомкам благодаря литературе (в т. ч. А. Дюма, П. Мериме, Г. Манну). Однако большая часть его жизни почти не изучена. "Адмирал, столь известный, что не нуждался в имени", - писал один из французских авторов.

Как и почему блестящий придворный, военачальник и верный слуга короля Франции стал во главе политической партии, бунтовщиком и в итоге жертвой религиозной борьбы - в нашей литературе эти вопросы даже не ставились. А решение их способно во многом прояснить и характер внедрения новых идей в познание этой выдающейся личности, и смену привычных стереотипов, и трагическую готовность сторонников Реформации к жертвам и мученичеству во имя веры.

Жизнь Колиньи дает возможность как-то осветить эти вопросы, но, к сожалению, попытки воссоздать историю его жизни всегда будут связаны с предположениями биографов. Почти все его личные документы исчезли и историк, обращаясь к этой фигуре, вынужден опираться на ранние записи, официальные документы и чудом уцелевшие письма. Жизненный путь и духовный мир Колиньи воссоздаются с большим трудом.

Он принадлежал к провинциальному дворянству. Его предки (род известен с XII в.) - выходцы из Франш-Конте ², и иные представители этого рода были на службе Священной Римской империи, а не Франции. Так, Юмбер II (ум. 1190) служил императору Конраду III. Шатильоны (не путать со знаменитым французским родом средневековья) состояли в родстве с Туарами и даже женевскими графами ³, но к знати не принадлежали. Возвышение их в начале XVI в. было связано прежде всего с их личной военной доблестью.

Из семи детей Жана III де Колиньи отличились в итальянских войнах Жак и Гаспар. Гаспар I заслужил звание маршала Франции и в 1514г. женился на овдовевшей дочери барона де Монморанси. Этот брак сразу ввел Шатийонов в круг придворной знати, хотя в то время никто и представить не мог позднейший взлет этого рода, когда брат Луизы де Монморанси Анн стал фаворитом Франциска I и Генриха II и коннетаблем Франции. Покровительство его племянникам в будущем во многом определит их судьбу. За короткий срок (с 1517 по 1521 гг.) родились братья Шатийоны, ставшие до конца своих дней неразлучными.

Будущий адмирал был средним из них. Он родился в 1519 году. Расцвет карьеры его отца был прерван внезапной смертью (1522г.), а молодая вдова

осталась с семьей малолетними детьми на руках. Их судьба и характеры определялись личностью матери - Луиза де Монморанси была женщиной незаурядной. Она была близка к Маргарите Ангулемской и ее окружению и разделяла их неортодоксальные религиозные взгляды; вероятно, почва для религиозного обращения братьев Шатийонов была подготовлена уже во время их детства и отрочества, тем более, что в наставники мать выбрала крупнейшего ученого-филолога Н. Бери, переписывавшегося с Эразмом Роттердамским и другими деятелями близкими к реформационным кругам.

С 1530 г. вся семья обосновалась при дворе - почтенная и высоко нравственная вдова Луиза де Монморанси стала придворной дамой королевы Элеоноры, что открыло для детей блестящие перспективы - они учились вместе с детьми короля. Ближайшими друзьями Колиньи в это время стали Строщи и принц де Жуанвиль (впоследствии герцог Гиз) - затем его заклятые враги. Среди знакомых Колиньи был и Пьер де Бурдей, в будущем писатель Брантом, увековечивший память о Колиньи в "Жизнеописаниях знаменитых полководцев Франции". По словам Брантома, Гиз и Колиньи "слыли добрыми друзьями и приятелями,.. часто одинаково одевались, сражались на турнирах рядом, плечом к плечу, состязались в кольцах, участвовали во всех развлечениях, оба наслаждались жизнью, совершая столь же невероятные безумства, что и другие" ⁴.

Хотя образ жизни Колиньи мало чем отличался от жизни его сверстников, его твердый и непреклонный нрав проявлялся всегда - его жизнь определялась собственными решениями. Монморанси предложил ему принять церковный сан (обычная судьба второго сына), обещая блестящую карьеру. Мальчик решил вообще впредь не братья за книги. Дело уладилось - в нарушение всех традиций старший брат посвятил себя церкви и стал кардиналом в 16 лет ⁵, а средний посвятил себя военной карьере и фактически возглавил свой род.

В число положенных для придворной молодежи занятий входило участие в кампаниях итальянских войн. Колиньи начал воевать с 1542г. и показал себя способным полководцем, проявил высокую личную доблесть. "Он был отважен и храбр и должен был быть именно таким, ибо имел храбрых и отважных предков" ⁶.

Военные кампании были прерваны путешествием в Италию вместе со Строщи (1546г.). Колиньи обосновался при дворе Ренаты Феррарской. Дочь Людовика XII была склонна к протестантизму, при ее дворе нашли убежище не только поэт Маро, перешедший в кальвинизм, но и сам Кальвин. Парадоксально, но рекомендательные письма Колиньи в Италию дала Екатерина Медичи (тогда еще жена дофина).

По возвращении в 1547г. из Италии в жизни Колиньи произошли серьезные изменения. Новый король Генрих II спустя два месяца после восшествия на престол назначил Колиньи командующим пехотой и наградил высшим орденом св. Михаила. В том же году умерла мать Колиньи, отказавшись перед смертью от священника и исповеди. Молодой придворный и военачальник женится на воспитанной в его доме Шарлотте де Лаваль, бывшей в свойстве с коннетаблем Монморанси. Она не была

богата, но жених увидел в ней неординарную личность (она тоже склонялась к новым религиозным учениям). Совместная жизнь была очень бурной (супругам довелось пережить войны, осады, разлуку, плен, выкупы), но брак был удачным. Когда Шарлотта умерла в 1567 г. (Колиньи в это время осаждал Париж), несгибаемый воитель за веру истово воззвал к Богу: "Боже мой! Что я тебе сделал? Какой грех совершил, что ты меня так караешь и обрушиваешь на меня столько бедствий?". По свидетельству первого биографа Колиньи, Шарлотта раньше мужа обратилась в кальвинизм и практически не бывала при дворе ⁷. От этого брака остались три сына и дочь Луиза, которую отец незадолго до гибели выдал за своего соратника Шарля де Телиньи. Луиза за одну ночь утратила и отца и мужа ⁸.

Колиньи и его братья поднимались при поддержке коннетабля все выше, но путь их вел к трагической гибели. В 1547 г. происходит ссора с Гизом, после которой между ними началась длительная затаенная вражда. Гиз считал, что Колиньи унижил его и задел честь Лотарингского рода ⁹.

В это время Колиньи считался способным полководцем, высоконравственной личностью. Честь для него была выше жизни. По выражению одного из английских послов, "адмирал Франции - сеньор величайших достоинств". И хотя он держался

стр. 142

при дворе чуть в стороне, это не мешало его карьере. В 1552г. он получил высшее, достигнутое им звание - адмирал.

В начале 50-х годов XVI в. в семье Шатийонов произошло частное событие, имевшее, однако, серьезные политические последствия - племянница Колиньи (дочь его сестры) Элеонора де Руа вышла замуж за принца Конде (самого младшего из братьев первого принца крови Антуана де Бурбона). С точки зрения клана, родство с законной ветвью правящей династии (пусть даже жених был нищим мальчишкой) было большой честью и удачей. Будущее показало, что этот брак вовлек семью в орбиту оппозиции принцев крови - они оказались между двух огней: милостями короны и покровительством дяди, с одной стороны, и семейным долгом по отношению к недовольным Бурбонам, - с другой. Впрочем тогда и Монморанси считал этот брак везением.

Удачи в очередной кампании против войск Карла V (Колиньи овладел несколькими городами и крепостями) привели к назначению адмирала губернатором Пикардии. При новом вторжении он отвечал за эту провинцию. Поворотным моментом в его судьбе стала оборона Сен-Кантена. Осадой города руководил один из самых способных тогдашних полководцев герцог Филибер Савойский (Савойя давно была захвачена войсками Франции). Колиньи руководил обороной и, несмотря на протесты горожан, отказался сдать город. Город был взят штурмом, адмирал попал в плен (1555г.) Герцог Савойский отправил пленника в Слейс, потребовав огромный выкуп.

В тюрьме Слейса Колиньи, окруженный католиками, принял решение перейти в

кальвинизм. Оно не было случайным - среди близких к нему людей и даже членов семьи многие интересовались Реформацией. В 1556г. сам он (еще католик) держит в доме капеллана, который, как оказалось, давно уже был протестантским пастором. Психологическое состояние адмирала (нежданный плен, унижительное обращение, требование огромного - 150 тыс. золотых экю - выкупа, страх за младшего брата, также попавшего в плен), все это вероятно, подтолкнуло адмирала к размышлениям о религии. На его душевные переживания повлияло и молчание Генриха II, не отозвавшегося на его рапорт о случившемся (обычно за командующего выкуп платила корона), а также и тяжелое физическое состояние (в тюрьме Слейса он подхватил тяжелую лихорадку). Забота испанцев о его душе ("ему принесли священное писание, дабы это чтение дало возможность адмиралу обрести поддержку в страдании и утешение" ¹⁰) привела к неожиданным результатам: Колиньи отрекся от католицизма и стал первым и наиболее знатным представителем французского дворянства, обратившимся в кальвинизм. Здесь сыграл свою роль ряд обстоятельств, и в первую очередь строгость его личной жизни и неприятие вольных нравов: "он был первым, кто дал пример благочестия французскому дворянству, разлагавшемуся от пороков и дурных нравов". Протестанты обрели военного лидера и высокопоставленного защитника, сам же он вступил на тернистый путь страданий и непрерывной борьбы.

Его плен кончился после того, как жена заплатила выкуп, продав по распоряжению мужа более двадцати владений. Но неожиданно его арестовали по личному приказу короля Филиппа II Испанского и держали заложником в течение двух месяцев.

Эти события превратили Колиньи в сурового борца за веру и истину, состарив его раньше времени. По возвращении ко двору Колиньи предпочел не афишировать смену религии. Генрих II был в гневе, узнав о переходе брата Колиньи в кальвинизм, он в присутствии всего двора в ярости орал на "предателя" и запустил в него серебряным блюдом. Эта дикая сцена завершилась арестом и лишением должностей.

Как протестант и защитник своих единоверцев Колиньи выступил во время Амбуазского заговора, когда тщетно вместе с католиком Немуром пытался спасти одного из его участников (Кастельно) и вынужден был покинуть двор. Открыто он признал себя гугенотом 20 августа 1560г., когда, прибыв на ассамблею знати по приглашению короля Франциска II, вступился за своих единоверцев, подав от их имени петицию в защиту кальвинистов Дьеппа. Арест Конде и его тещи (сестры Колиньи) потребовал от Шатийонов активных действий. Они вступают в переговоры и переписку с Екатериной Медичи. Гизы - дяди новой королевы Марии Стюарт - стали всемогущи при дворе, и, зная об их враждебности, адмирал, не

стр. 143

ожидавший для себя ничего хорошего, покинул двор. Получив сообщение о смерти Франциска II адмирал заявил приближенным: "Король умер, а мы будем жить!"

С первых дней гражданских войн Колиньи почти непрерывно участвует в военных действиях. Он стал одним из ведущих предводителей протестантов. Он понимал, каковы могут быть последствия для участников вооруженного мятежа, и пытался

снять с себя хотя бы нравственную ответственность. Его письмо к дяде - своему бывшему покровителю свидетельствует об этом: "Мы собрали войска и подняли оружие, чтобы поддержать короля и его власть, воспрепятствовать насилию в отношении лиц, примкнувших к новой религии, предпринимаемого против воли и желания короля и королевы". Главный мотив действий - защита слабых единоверцев - был недоступен старому царедворцу; фанатик Монморанси порвал с племянниками.

Был ли адмирал искренним неопитом или, как и его племянник Конде, рассчитывал, сменив религию, осуществить определенные политические планы? То, что он открыто говорил о своих взглядах, публично вступившись за единоверцев и понимая, что на этом закончатся его спокойная жизнь и карьера, заставляет склониться к первому выводу. Во что же он верил как воспринял новое учение, он пишет в письме к своей супруге по поводу смерти старшего сына, где искреннее горе и желание утешить жену соединены с религиозными доводами: "Вспомни, моя любимая, что он не мог бы жить, не оскорбив Бога, и он блажен, что умер в возрасте, когда не ведал греха. Бог его пожелал, и я жертвую им ему, ибо такова его воля. Прощай, надеюсь увидеться, и встреча станет для меня единственной радостью". Личные беды не покидали Колиньи - умер его младший брат Дандело, а через год и жена. Он становится все более суровым и склонным к фатализму. А развертывание гражданских войн накладывает отпечаток на его действия - они все более жестоки по отношению к населению и ничем не отличаются от приказов других полководцев эпохи.

В 1563г. был предательски убит герцог Гиз. Его убийца обвинил адмирала в подстрекательстве. Вдова Гиза при дворе потребовала казни Колиньи как убийцы, и хотя король Карл IX объявил об оправдании адмирала, вражда Гизов, Монморанси и Шатийонов перешла в новую фазу. Клиентела Гизов и его семья поклялись отомстить адмиралу, покарвав его смертью. В ходе второй гражданской войны политическая ситуация все больше ухудшалась и в итоге Колиньи был обвинен как лидер протестантской партии в оскорблении величества, то есть фактически в государственной измене, и осужден Парижским парламентом. Приговор от 12 сентября 1569г. гласил: "Колиньи виновен в оскорблении величества, он - нарушитель и губитель мира в государстве, враг спокойствия, тишины и общественной безопасности, организатор и возмутитель вооруженного мятежа и заговора, направленных против короля и государства"¹². В соответствии с этим приговором он должен был быть лишен дворянства, чинов и званий, повешен, тело отправлено на Монфокон, герб разломан, а владения конфискованы в пользу короны. Дети поражались в правах, теряли дворянский статус, лишались права владеть землей и занимать любые должности во Франции.

Реакция Колиньи оказалась своеобразной- в письме в Сант от 16 октября он писал: "если такова будет воля Бога, чтобы мы сами, наши близкие и имущество претерпели испытания за веру, то он хочет, чтобы мы послужили ему и мы должны почитать себя счастливыми". И все же такой приговор при всем фатализме осужденного заставлял бороться до последнего и свидетельствовал, что адмирал стал главой партии гугенотов. Этот статус уставшего и уже пожилого человека был определен гибелью в том же году принца Конде в сражении при Жарнаке: Генриху Наваррскому и сыну Конде было всего 16 лет. По выражению Отмана, "более значительной фигуры в лагере протестантов не было", авторитет покоился не столько на знатности и военном опыте, сколько на нравственных качествах Колиньи:

"он обладал ясным умом и доблестью.., вызывал всеобщее уважение своей мудростью, справедливостью, авторитетом" ¹³ . Протестанту Отману вторит и католик Брантом: "мы должны считать господина адмирала блестящим и совершенным полководцем, он был наделен мудростью и умением руководить" ¹⁴ .

Еще при жизни вокруг Колиньи складываются легенды. Любопытна история его второго брака. В жизнеописание мученика вносится романтический элемент - молодая вдова Жаклина д' Апремон, даже не знакомая с адмиралом, считала и,

стр. 144

видимо, часто об этом говорила, что самая высшая честь для женщины - стать женой человека, воплощающего идею рыцарства и религиозного смирения, олицетворяющего религиозный и рыцарский идеал.

Гугенотский богослов Теодор до Без сообщал об этом "воплощении идеала". Адмирал Колиньи смотрел на вещи более трезво, учитывая 23 года разницы в возрасте, военные действия и висевший над ним смертный приговор. Но в этот момент он переживал период страшного одиночества (в 1571 г. пришла весть о смерти второго брата), он устал от исполнения долга, становившегося все более тяжким крестом, склонялся к фатализму, и, видимо, искал человеческого тепла. Энергия и порыв молодой женщины (она тайно с благословения своего отца бежала в Ла Рошель) и мнение пасторов подвигли адмирала на брак, и хоть он и оказался недолгим, но скрасил последний год жизни уставшего и не слишком здорового человека ¹⁵ .

Мир в Сен-Жермене (14 июля 1570г.) на время стабилизировал положение в стране и вернул протестантов ко двору. Колиньи прибыл в замок Блуа 15 сентября 1571 года. Сближению с королем способствовал вопрос о Нидерландах: для адмирала речь шла о помощи братьям по вере, для короля - на первом месте стояла связь с реализацией традиционных мечтаний французской короны. Екатерина Медичи в тот момент добивалась брака Маргариты Валуа с Генрихом Наваррским. Поэтому вождей протестантов при дворе приняли любезно: Колиньи был введен в совет, получил 150 тыс. ливров и даже аббатство, приносящее 20 тыс. ливров дохода. Но обстановка в столице все больше обострялась и уже с декабря 1571 г. наблюдались антигугенотские выступления.

Колиньи стремился добиться войны с Испанией и пожертвовал этому и волю, и сердце, и жизнь, усиление же Франции в Нидерландах не устраивало не только католические государства, но и Англию. А в самой Франции растет противостояние этой войне как в правительственных кругах, так и в Париже, для которого присоединение Нидерландов означало неизбежную утрату своего статуса как экономического (а возможно и политического) центра Франции. Неприятие французами политики в Нидерландах определило политическое поражение адмирала, вероятно, и его гибель; он был обречен и без событий "кровавой свадьбы". Трудно сказать, осознавал ли он неизбежность своей скорой гибели. Как кальвинист он должен был спокойно идти навстречу смерти. 7 августа он отправил письмо в Ла Рошель, где написал: "У вас нет никаких оснований бояться" ¹⁶ . Ключ к его

пониманию событий дает последнее письмо жене, написанное в день "кровавой свадьбы" - 18 августа 1572г.: "Я должен трудиться изо всех сил... и мы оба горько пожалеем, если я пренебрегу своим долгом, Мне было бы приятнее быть вместе с Вами..., но должно считаться с пользой для общества, а не со своими удовольствиями или личной выгодой" ¹⁷ .

Долг был выше всего, он затмевал ощущение опасности и даже инстинкт самосохранения. Покушение на адмирала 22 августа 1572 г. наглядно показало, что независимо от позиций отдельных лиц охота за ним началась. Несколько веков существования протестантского мифа и отсутствие документов только запутывали вопрос об организаторах покушения: большинство современников (и протестанты, и католики) возлагали вину на Гизов, трактуя их действия как запоздалое мщение. Раненого адмирала навесил король, обещавший наказать виновных.

Встревожило ли это обещание подлинных организаторов? Было ли оно лицемерным? Спровоцировало ли оно события 24 августа? Мы этого не узнаем. Некоторые авторы считают, что покушение стало причиной Варфоломеевской ночи, из-за жажды мщения со стороны протестантов ¹⁸ . Они скорее путают причину и следствия - покушение наглядно показало твердое намерение католиков перейти к активным действиям и доказало, что в грядущей резне адмирал должен был стать главной жертвой. Свидетельства современников расходятся относительно предварительных решений, но помимо членов королевской семьи обвиняли Гизов и Гонди ¹⁹ . Сама гибель Колиньи описывалась во всех воспоминаниях и во всех сочинениях современников (прежде всего протестантов) как мученичество: преданный приставленной королем охраной раненый старик, "услыхав шум, не сомневался в беде и стал молиться Богу" и сумел сохранить достоинство при виде вломившихся убийц. Когда приспешник Гиза Ян Янович (выходец из Чехии - отсюда и его прозвище Бэм) спросил у жертвы ее имя, то Колиньи нашел силы дать ответ со "спокойным

стр. 145

и благородным выражением" ²⁰ . Это величие перед лицом неизбежной жестокой смерти противопоставлялось современниками действиям герцога Гиза - приказу выбросить тело еще живого человека во двор, тому, что Гиз вытер лицо Колиньи от крови и наступил на него. Наконец, мученичество подчеркивалось и поруганием тела Колиньи: памфлетисты, смакуя жуткие детали, не заметили, что "чернь" собственно проделала, с телом все, что обычно полагалось по приговору за государственную измену, она, так сказать, действовала, осуществляя правосудие" ²¹ .

Страшная смерть Колиньи сделала его не только героем, но и мучеником в глазах современников и потомков. Даже католик Э. Пакье писал, что "ни Колиньи за всю свою жизнь не достиг более высокого часа, чем в миг смерти, ни Гиз более низкого часа не изведal" ²² . Адмирал, герой протестантов при жизни, стал мучеником после своей гибели. Протестанты изображали его мучеником, католики считали его причиной дальнейших бед, преувеличивая значение его жизни и гибели": он стал причиной гибели и унижения Франции и проклятия гражданских войн". Судьба Колиньи была необычайной: "величайшая редкость, чтобы простой дворянин, не

княжеского рода, хотя и высокого происхождения, заставил бы дрожать весь христианский мир и так возвысил свое имя и должность, что об адмирале Франции говорили не меньше, чем о ее короле" ²³ . Сам же он явно не стремился к подобной славе и, судя по всему, считал себя вынужденным и обреченным действовать подобным образом по воле Бога и вследствие сложившейся судьбы. А потому он называл себя лишь орудием и стремился обелить себя и свое имя. В завещании 1569 г. - своеобразном отклике на судебный приговор он написал: "я говорю перед господом: я пытался всеми средствами, как мог, удерживать мир так долго, насколько это было в моих силах и ничего я так не боялся, как бедствий гражданской войны, считая, что она повлечет за собой гибель королевства. А я всегда желал, чтобы оно уцелело и заботился о том изо всех сил. Я хочу оставить потомкам это свидетельство, чтобы не быть покрытым позором: если я и взял в руки оружие, то не против короля, а против тех, кто тиранически вынудил сторонников реформированной религии взять его в руки ради защиты своей жизни" ²⁴ .

Из этих слов можно сделать вывод, что суровый воитель глубоко страдал, ощущая личную ответственность и вину перед родиной, разрываясь между долгом по отношению к королю и отечеству и жесткими обязательствами перед религией и единоверцами. Лишь трагическая гибель могла разрешить этот конфликт, а позднее привлечь к его фигуре внимание многих деятелей культуры. В 1972г. улица в Париже, где некогда стоял его дом, была переименована в улицу Колиньи.

Примечания

1. D' Aubigne. Les Tragiques, Les Princes. P. 1968, p. 125.
2. П. Брантом упоминает о Савойе: BRANTOME P. de. Les vies des hommes illustres et des grands capitains français. Discours 79. Monsieur L' Amiral de Chaslillon. - Brantome P. de. Oeuvres. La Haye. 1740. Vol. VIII. p. 195.
3. См. ANSELME P. Histoire genealogique. P. MDCLXXIV.V.II, p. 169-171, 314-317.
4. HOTMAN F. La vie de messire Gaspar de Coligny, Amiral de France. Leiden. 1643. p. 63; BRANTOM P. Op. cit., p. 162-163.
5. Оде де Колиньи (1517-1571), кардинал, архиепископ Тулузы с 1534 года. В 1561 г. отрекся от сана, женился и уехал в Англию в 1568 г., где и умер.
6. BRANTOMEN P. Op. cit., p. 202.
7. HOTMAN F. Op. cit., p. 63.
8. Луиза позднее повторно вышла замуж за принца Вильгельма Оранского и ей было суждено увидеть гибель и второго мужа от руки убийцы. Ее единственный сын (будущий штатгальтер Фридрих-Генрих) родился после убийства отца в 1584 году.
9. На вопрос Гиза о том, следует ли ему женить брата на дочери королевской фаворитки, Колиньи ответил, что лучше иметь крохи власти и фавора, но хранить

честь, чем достигнуть их, утратив честь. (BRANTOME P. Op. dt., p. 164)

10. HOTMAN F. Op. cit. p. 17.

11. Ibid., p. 73-74.

12. Arrest de la Court du Parlement centre Gaspar de Coligny, qui fut l'Amiral. Lyon, 1569, p. 24.

13. HOTMAN F. Op. cit., p. 90, 73.

стр. 146

14. BRANTOME P. de. Op. cit., p. 175.

15. Ее судьба была печальна - после гибели мужа она была заточена в тюрьму своим сюзереном Филибером Савойским. В тюрьме родила дочь.

16. Lettre de Mr Amiral de Chastillon. - GOULART S. Memoires de Г Estat de France sous Charles IX. Middlebourg. MD LXXVIII.V.I, p. 253.

17. Discours des nops du Roy de Navarre et de la soeur du Roy. - GOULART S. Op. cit. V. 1, p. 264 r-v.

18. BRANTOME P. Op. cit., p. 183. См. также Мемуары королевы Марго. М. 1995, с. 67. Версия шла от ярых католиков, для Марго Колиньи - чума (с. 66).

19. BRANTOME P. Op. cit., p. 183; HOTMAN F. Op. cit., p. 108.

20. BRANTOME P. Op. cit., p. 185.

21. HOTMAN F. Discour simple et veritable des rages exercees, par la France, des horribles et indignes meurtres commis en personnes de Gaspar de Coligny, Amiral de France et de plusieurs grands, Seigneurs Gentilshommes et aultres illustres et notables personnes. Basel. 1573. p. XXXI-XXXII; ejusd. La vie de mes sire Gaspar de Coligny, Amiral de France, p. 130; Histoire de massacre. S. 1. 1573, p. XXX.

22. PASQUIER E. Les lettres, p 1619, Vol. 1. P. 316.

23. BRANTOME P. Op. cit., p. 219, 191.

24. Цит. по: ENGEL C. E. L'Amiral de Coligny. Geneve. 1967, p. 314.

